

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.8)

Научная статья

УДК 1

doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-37-45

ЭТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС ФРИДРИХА НИЦШЕ

© *Сергей Александрович Лысый*

Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты, г. Шахты, Россия

sergii.rostov@mail.ru

Аннотация. Рассматривается генезис этических взглядов одного из самых влиятельных мыслителей последних столетий – Фридриха Ницше. Выдвигается гипотеза о внутренней противоречивости моральной концепции Ницше «по ту сторону добра и зла», исходя из основного методологического принципа его философствования – погружения в личную экзистенцию. В центре противоречия теории мышления и практики жизни философа рассматривается инцидент в Турине.

Ключевые слова: Ницше, Бог, мораль, этика, парадокс, нигилизм, сверхчеловек, воля к власти, экзистенция, сострадание, христианство.

Для цитирования: Лысый С.А. Этический парадокс Фридриха Ницше // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 115. № 2. С. 37-45. doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-37-45

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.8)

Original article

The ethical paradox of Friedrich Nietzsche

© *Sergey A. Lysy*

Institute of service sector and entrepreneurship (branch) Don state technical university in Shakhty, Shakhty, Russian Federation

sergii.rostov@mail.ru

Abstract. The genesis of the ethical views of one of the most influential thinkers of recent centuries – Friedrich Nietzsche – is examined. A hypothesis is put forward about the internal contradictoriness of Nietzsche's moral concept “beyond good and evil”, based on the main methodological principle of his philosophizing – immersion in personal existence. The incident in Turin is considered at the center of the contradiction between the philosopher's theory of thinking and the practice of life.

Key words: Nietzsche, God, morality, ethics, paradox, nihilism, Overman, will to power, existence, compassion, Christianity.

For citation: Lysy S.A. The ethical paradox of Friedrich Nietzsche. *The Humanities and Social Sciences*. 2026. Vol. 115. No 2. P. 37-45. doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-37-45

Введение

Этот роковой эпизод произошёл 3 января 1889 г. в итальянском Турине на площади Карло Альберто. Один из гостей города, бывший профессор филологии Базельского университета, спустился с третьего этажа дома, в котором снимал комнату, чтобы совершить утреннюю прогулку. Но, выходя на площадь рядом с домом, он увидел, как извозчик избивает кнутом свою лошадь. В слезах почтенный мужчина бросился на шею животному, желая защитить его. С профессором случился нервный срыв, после которого до конца своих дней он так и не восстановился.

Казалось бы, еще одно страдание этого мира, в ряду многих и многих. Что здесь примечательного? Почему оно вошло в историю? Однако примечательное здесь есть и даже слишком примечательное, потому что этим господином был Фридрих Ницше.

Сегодня мы часто говорим о ценностях – духовно-нравственных, мировоззренческих, личностных и общественных, политических, экономических и пр., – не догадываясь, что само понятие «ценности» ввёл в философский дискурс Ницше. Главный труд жизни, книгу «Воля к власти», в своих записях он так и называл – «О переоценке всех ценностей». В ней, как и в предшествующих работах, Ницше выступил с резкой критикой христианской морали, в особенности же – с критикой сострадания.

Вот только некоторые предварительные пассажи из его работ: «Христианство называют религией сострадания. Сострадание противоположно тоническим аффектам, повышающим энергию жизненного чувства; оно действует угнетающим образом. Через сострадание теряется сила» [1, с. 635]. «Сострадание вообще противоречит закону развития, который есть закон подбора. Оно поддерживает то, что должно погибнуть, оно встает на защиту в пользу обездоленных жизнью; поддерживая в жизни неудачное всякого рода, оно делает саму жизнь мрачною и возбуждающею сомнение» [1, с. 636]. «Есть проповедники смерти; и земля полна теми, кому нужно проповедовать отвращение к жизни. Земля полна лишними, жизнь испорчена множеством людей» [7, с. 32]. «Нам необходима критика моральных ценностей, сама ценность этих ценностей должна быть однажды поставлена под вопрос» [4, с. 412].

Любой современный разговор о моральных ценностях, о христианской нравственности должен столкнуться с идеями Ницше, и только до конца осмыслив его критику, преодолев его философию, взяв из нее то здоровое, истинное, что можно взять, следует двигаться вперед.

Критика немецким философом христианства и традиционной морали имеет в своей основе достаточно разработанную и продуманную философскую систему, среди элементов которой можно выделить: отказ от метафизической картины мира, предполагающей наличие сверхприродного, что кратко выразилось в словах «Бог мёртв»; принятие концепта «человека и только человека» как меры всех вещей; выявление воли к власти в качестве фундаментального принципа развития личности и общества. Таким образом, воля к власти стала определяющим мотивом в понимании Ницше природы человека, его поступков, целей и этики.

Воля к власти, по Ницше – совсем не политический феномен, вернее, не столько политический, сколько органический; это фундаментальный закон постоянного развития и преодоления формами жизни самих себя: «Везде, где находил я живое, находил я и волю к власти... И вот какую тайну поведала мне сама жизнь. “Смотри, – говорила она, – я всегда должна преодолевать самое себя”» [7, с. 82]. Именно с этой позиции генеалог морали рассматривает понятия добра и зла. Все, что способствует жизни, ее росту, развитию, является этически оправданным; любые же препятствия на этом пути, в том числе мораль сострадания – недоразумения и вредности.

Понятия «добра» и «зла» для Ницше утрачивают свое значение, «ибо все вещи крещены у родника вечности и по ту сторону добра и зла; а добро и зло суть только бегущие тени, влажная скорбь и ползущие облака» [7, с. 118]. «Добро» и «зло» для автора Заратустры не имеют онтологического характера, они не присущи человеческой природе от вечности, а всего лишь «изменчивые тени» и «плывущие облака», меняющиеся в зависимости от исторического социального контекста и преобладающего соотношения сил в обществе.

Но тогда невольно возникает вопрос: не являются ли сама жизнь Ницше, его психологическое состояние, те душевные перипетии, которые он переживал до конца творческой деятельности, опровержением его философии? Нашел ли он счастье, гармонию в своей системе мысли? Не был ли срыв в Турине не просто следствием развития физиологического заболевания, а закономерным итогом того, что мыслитель, который признавал торжество природы, торжество «земли», пошел в своих крайних выводах против той самой природы, которую отстаивал?

В данной статье мы рассмотрим, каким образом Ф. Ницше пришел к философии «по ту сторону добра и зла», а также попробуем ответить на вопрос, в какой степени практику жизни мыслителя можно считать опровержением его этических взглядов, если после «смерти Бога», после крушения высших ценностей, только жизнь личности является ее единственным судьей.

1. Бог мёртв?

Слова «Бог мёртв» стали визитной карточкой философии Ницше. Может показаться, что ими мыслитель раз и навсегда расправился с идеей Творца и выразил атеистическую позицию своих воззрений. Однако контекст этого лозунга в «Веселой науке» имеет более глубокий смысл.

«Безумный человек» Ницше, подобно древнегреческому Диогену, бегаёт в полдень с фонарем по рынку и кричит: «Я ищу Бога!» – и, всматриваясь в толпу хохочущих зевак, восклицает: «Где Бог?.. Я хочу сказать вам это! Мы его убили – вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца?» [2, с. 592].

Уже этот короткий отрывок свидетельствует о том, что самый известный афоризм Ницше не следует понимать упрощенно. Во-первых, если «Бог мертв» сейчас, значит, Он был жив; во-вторых, убийцами Бога герой притчи объявляет всех неверующих в Него: «Бог умер! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами – кто смоеет с нас эту кровь?» [2, с. 593].

Последние слова дают отсылку не просто к абстрактному божеству, а именно к христианству. И действительно, в пятой книге «Веселой науки» (343 афоризм) Ницше пишет: «Величайшее из новых событий – что “Бог умер” и что вера в христианского Бога стала чем-то не заслуживающим доверия – начинает уже бросать на Европу свои первые тени» [2, с. 662].

Таким образом шокирующая весть о смерти Бога является констатацией оскудения христианской веры в Европе, которое сам Ницше встречает далеко не в радужных чувствах: «Кажется, будто закатилось какое-то солнце, будто обернулось сомнением какое-то старое глубокое доверие: с каждым днем наш старый мир должен выглядеть все более закатывающимся, более подозрительным, более чуждым, “более дряхлым”» [2, с. 662].

Как замечает Мартин Хайдеггер, у Ницше слова «Бог» и «христианский Бог» служат для обозначения сверхчувственного мира вообще: «Бог – наименование сферы идей, идеалов. Эта область сверхчувственного... Если, подобно еще Канту, называть мир чувственный миром физическим в более широком смысле, тогда сверхчувственный мир будет миром метафизическим. Слова “Бог мертв” означают: сверхчувственный мир лишился своей действительной силы. Он не подает уже жизнь» [12, с. 17].

Говоря о смерти Бога, Ницше указывает, что для все большего числа людей высшие идеалы, поиски Небесного Царства утрачивают свое значение, и сам мыслитель недоумевает по этому поводу: «Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда теперь движется она? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы словно в бесконечном Ничто?» [2, с. 592].

2. Нигилизм

О приближении «Ничто», нигилизма (от лат. nihil – ничто), как «неприятнейшего из гостей», предупреждает Ницше современников. Нигилизм для него – прямое следствие смерти Бога. Именно с этой рубрики начинается финальный труд жизни мыслителя – «Воля к власти», где он пророчески говорит: «То, о чем я повествую, это – история ближайших двух столетий. Я описываю то, что надвигается, что теперь уже не может прийти в ином виде: появлении нигилизма... Вся наша европейская культура уже с давних пор движется в какой-то попытке напряжения, растущей из столетия в столетие, и как бы направляется к катастрофе» [3, с. 33].

Определение нигилизма включает в себя три аспекта: *метафизический, этический и психологический*. Очень коротко Ницше выражает его следующим образом: «Что обозначает нигилизм? То, что высшие ценности теряют свою ценность. Нет цели. Нет ответа на вопрос “зачем”?» [3, с. 36]. Здесь:

- Метафизический пласт – «высшие ценности обесцениваются».
- Этический – «нет цели».
- Психологический – «нет ответа на вопрос “зачем”?».

Под высшими ценностями Ницше понимает идеальный мир в платоновском смысле. Он пишет: «Радикальный нигилизм есть убеждение в абсолютной несостоятельности мира по отношению к высшим из признаваемых ценностей; к этому присоединяется сознание, что мы не имеем ни малейшего права признать какую-либо потусторонность или существование вещей в себе, которое было бы “божественным”, воплощенной моралью» [3, с. 36–37]. «Истинный мир» (синоним мира идеального) – как недостижимый, недоказуемый, неведомый – «идея, ни к чему больше не нужная, даже более не обязывающая, – ставшая бесполезной...» [6, с. 572].

Этика, как набор правил, действий, всегда обусловлена некоторой целью. Этика христианской Европы долгое время имела основанием веру в божественный мир. Высшая реальность требовала от человека того или иного образа жизни. Как например, «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5, 3). Здесь «Царство Небесное» – царство «не от мира сего», сверхчувственная реальность, достижение которой связано с определенным устройством личности, ее поступков, мыслей, чувств. Христианские экзегеты дают самую широкую палитру объяснений «духовной нищеты», но всегда имеется в виду некоторая внутренняя и внешняя этика. Теперь же цель этики («Царство Небесное») утрачивается.

Потеря высшей цели, высшего «зачем?», нивелирование традиционной этики влечет за собой нигилизм как пессимистическое психологическое состояние. «Нигилизм, – пишет Ницше, – как психологическое состояние должен будет наступить, во-первых, после поисков во всем совершающемся “смысла”, которого в нем нет: ищущий в конце концов падает духом... Нигилизм как психологическое состояние наступает, во-вторых, тогда, когда во всем совершающемся и подо всем совершающемся предполагается некая цельность, система, даже организация: так что душа жаждущая восхищения и благоговения, упивается общим представлением некоторой высшей формы власти и управления... и вдруг – такого “целого” нет! В сущности человек теряет веру в свою ценность, если через него не действует бесконечно ценное целое...» [3, с. 39–40].

Что же остается человеку после «смерти Бога» и прихода нигилизма?

3. *Сверхчеловек*

Христианское вероучение Ницше критикует за ложное, на его взгляд, истолкование мира, человека и истории. Главную ложь он видит в пренебрежении земным миром в угоду миру сверхчувственному. Как некогда Христос вышел на проповедь, чтобы учить о Небесном Царстве, так теперь Заратустра Ницше учит людей о Земле:

«Я заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах! Они отравители, все равно, знают ли они это или нет. Они презирают жизнь, эти умирающие и сами себя отравившие, от которых устала земля: пусть же исчезнут они! Прежде хула на Бога была величайшей хулой; но Бог умер, и вместе с ним умерли и эти хулители. Теперь хулить землю – самое ужасное преступление, так же как чтить сущность непостижимого выше, чем смысл земли!» [7, с. 8].

В 70-е и 80-е годы XIX в., когда писал Ницше, в Европе самым обсуждаемым учением, владеющим умами интеллектуалов, был, конечно, дарвинизм. Ницше не соглашался с теорией эволюции в частности, для него был неприемлем принцип приспособления индивида к среде, он видел более активную (а не реактивную) роль человека в своем становлении. Однако сама идея поступательного эволюционного развития жизни со множеством случайных факторов, без сомнения, стала мейнстримом философии Ницше. И венцом этого развития объявлялся «Сверхчеловек». «Я учу вас о сверхчеловеке. – Воскликает Заратустра. – Сверхчеловек – смысл земли» [7, с. 8].

Именно сверхчеловек занимает в философии Ницше место Бога: «Умерли все боги; теперь мы хотим, чтобы жил сверхчеловек» [7, с. 57]. Человек – есть постоянное развитие, динамика – это «канат, натянутый между животным и сверхчеловеком» [7, с. 9]. С одной стороны, в нас есть животное начало, начало земли; с другой – возможность перехода к высшей форме жизни: «Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя... Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека» [7, с. 8].

«Человек есть нечто, что должно превзойти», – повторяет Ницше на всём протяжении «Заратустры». Однако это преодоление он мыслит не как противопоставление природному животному началу, а как «одухотворение чувственности» и управление своими инстинктами. Стремление к развитию, к постоянному становлению и преодолению себя Ницше в конце концов определяет как главный движущий мотив вселенной.

4. Воля к власти

Ницшеанское понятие «воли к власти» (*der Wille zur Macht*) станет более ясным, если учесть этимологию немецкого слова «Macht». «Macht» (власть) имеет общую основу с «machen» – «действовать». «*Der Wille zur Macht*» – это в большей степени не воля к господству, обладанию, хотя и эти смыслы присущи концепции Ницше, – а воля к действию, проявлению, реализации себя.

«Мы с детства стремимся к власти. – Пишет исследовательница творчества Ницше. – Вся органическая жизнь постоянно находится в динамичном и хаотическом состоянии творения и упадка: преодолеваем мы, преодолевают нас. Корни дерева, которые прорастают через камни, – это воля к власти. Лед, ломающий скалы и меняющий береговую линию, – это воля к власти... Воля к власти всегда подвижна. Непрерывная динамика чувствуется во всех личных отношениях, отношениях между группами стран» [10, с. 255].

Фундаментальный принцип предлагается Ницше в качестве объяснительной модели для всего сущего – от физических процессов до высших проявлений человеческого духа: «Прежде всего нечто живое хочет проявлять свою силу – сама жизнь есть воля к власти» [5, с. 250]. Вечное становление вселенной, обусловленное волей к власти, лишено заранее определенной цели, а значит находится вне категорий морали, понятий добра и зла:

«Неправда, что бессознательной целью каждого сознательного существа (животного, человека, человечества) служит достижение “высшего счастья”. Напротив, на всех ступенях развития есть особенное, ни с чем несравнимое, ни высшее и ни низшее, но именно свое особенное, характерное счастье. *Развитие ищет не счастья, но только развития и больше ничего*» [8, с. 37–38].

То, что Ницше приравнивает человека в вечном развитии к другим формам жизни, раскрывает его отношение к морали. Можно ли осуждать льва за то, что он пожирает ягненка? Является ли жестокость хищника, с которой он набрасывается на свою жертву, злом? Очевидно, нет. Мы понимаем, что это «законы природы». Ницше не видит оснований выводить человека за рамки природного мира. Именно с этих позиций он начинает войну с традиционной христианской моралью.

5. Критика христианской морали

Вопрос воли, действий, жизненной активности стоит в центре философии Ницше. Он ощущает мир как постоянное движение, игру сил. Упраздняя традиционную европейскую метафизику, вышедшую из идеального мира Платона, целиком развернувшуюся в христианской догматике, он сам в итоге, как метко замечает Хайдеггер, приходит к своей метафизике.

Воля к власти для Ницше – нечто большее, чем простая биология вселенной, она не ограничивается одной «физикой», приобретает надмирный характер. Это очень хорошо видно из следующего пассажа, который Ницше записал летом 1885 г. и который издатели «Воли к власти» поместили в самом конце книги как ее квинтэссенцию, как последний мажорный аккорд:

«Знаете ли вы, что для меня “мир”? Показать ли его вам в моем зеркале? Этот мир – чудовищная сила без начала и конца, твердая и прочная, как железо, сила, которая не становится ни больше, ни меньше, не растрчивает, а только превращает себя, в целом оставаясь неизменной величиной, хозяйством без трат и расходов, но и без прибыли, без доходов; границами ей служит окружающее “Ничто”, она не расплывчата и растрчена, не растянута до бесконечности: эта вполне определенная сила занимает вполне определенное пространство, но не такое, в котором что-нибудь было бы “пустым”, – скорее, эта сила присутствует везде как игра сил и силовых волн, одновременно единство и “многое”, в одном месте она накапливается, в другом убывает, это море бушующих сил и их потоков, вечно меняющееся, вечно возвращающееся, возвращающееся через огромное количество лет приливом и отливом своих образов... Хотите знать, как называю я этот свой дионисийский мир вечного самосотворения, вечного саморазрушения, этот таинственный

мир двойного сладострастия, по ту сторону добра и зла, без цели, если только цель не заключена в счастье кольца, без воли, если только у кольца нет доброй воли к самому себе? Хотите знать решение всех загадок этого мира? Вам тоже нужен свет, вы, самые скрытые, самые сильные, самые бесстрашные, самые полночные? – Этот мир есть воля к власти – и ничего кроме! Вы и сами эта воля к власти – и ничего кроме этого!» [11, с. 359–360].

Как видно, никакой христианской морали в этой бесконечной игре вселенских сил просто нет места. Если и говорить о добре и зле в ницшеанском мире вечного возвращения, то только так: «Что хорошо? – Все, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть.

Что дурно? – Все, что происходит из слабости.

Что есть счастье? – Чувство растущей власти, чувство преодолеваемого противодействия» [1, с. 633].

В «Антихристе», за два месяца до срыва в Турине, Ницше хладнокровно доводит свою этическую систему до логического завершения: «Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положение нашей любви к человеку. И им должно еще помочь в этом. Что вреднее всякого порока? – Деятельное сострадание ко всем неудачникам и слабым – христианство» [1, с. 633].

Смирение, терпение, сострадание – все эти христианские добродетели не просто обесцениваются Ницше, а объявляются врагами жизни, противоестественной моралью: «Я формирую один принцип. Всякий натурализм в морали, т.е. всякая *здоровая* мораль, подчиняется инстинкту жизни... Противоестественная мораль, т.е. почти всякая мораль, которой до сих пор учили, которую чтили и проповедовали, направлена, наоборот, как раз против инстинктов жизни – она является то тайным, то явным и дерзким осуждением этих инстинктов. Говоря, что “Бог читает в сердце”, она говорит Нет низшим и высшим вожделениям жизни и считает Бога врагом жизни... Жизнь кончается там, где начинается “Царствие Божие”...» [6, с. 575].

Для критики христианской морали Ницше вводит понятие «нечистая совесть» (*schlechtes Gewissen*). Для него нечистая совесть – не просто чувство вины, а внутреннее самообращение агрессии, результат подавления жизненных инстинктов, превращение силы во вне – в наказание себя. «Я считаю нечистую совесть, – пишет Ницше, – глубоким заболеванием, до которого человеку пришлось опуститься под давлением общества и мира...» [4, с. 461].

Ницше утверждает, что в архаических обществах агрессия, жестокость, сила имели внешний выход, но с развитием социума они были запрещены: «Все инстинкты, не разряжающиеся вовне, обращаются вовнутрь» [4, с. 461]. Так возникает внутренняя сцена морали, где человек становится и судьей, и обвиняемым, и палачом. Индивид переживает агрессию, жадность, похоть, желание побеждать, властвовать – и начинает подавлять в себе все эти совершенно естественные инстинкты, укорять себя, внутренне наказывать – отчего рождается постоянное психологическое заболевание – чувство вины. Фрейд как-то обмолвился по поводу сочинений Ницше, что боится их читать, потому что всё, к чему он, психоаналитик, пришел экспериментально, Ницше открыл философской интуицией.

По Ницше, иудейско-христианская традиция доводит механизм «нечистой совести» до предела: «Христианство взяло сторону всех слабых, униженных, неудачников, оно создало идеал из противоречия инстинктов поддержания сильной жизни; оно внесло порчу в самый разум духовно-сильных натур, так как оно научило их чувствовать высшие духовные ценности как греховные, ведущие к заблуждению, как искушения» [1, с. 634–635].

Чтобы вылечить нечистую совесть, преодолеть испорченность человеческой природы, ее постоянный невроз, следует провести «переоценку всех ценностей», признать нормальность, естественность всех животных инстинктов человека, говоря словами Заратустры, следует «вернуться к земле», вернуться к жизни.

6. Этический парадокс Ницше

Ницше по праву называют пионером «философии жизни». Он радикально переориентировал философское мышление с отвлеченных идей и сугубо рациональных оснований на Жизнь как первичную, динамическую и ценностно-творческую реальность.

«Истина самосознания Ницше, – замечает Карл Ясперс, – характеризуется тем, что отправной точкой философского познания здесь является не размышление о каком-либо чистом предмете и не исследование какой-либо вещи, но единство мышления с жизнью, так что источником мышления становится человек в целом» [14, с. 511]. «Я всегда писал свои сочинения всем своим телом и всей своей жизнью», – приводит там же Ясперс слова Ницше.

Но тогда справедливо возникает вопрос: раз сам Ницше поставил жизнь, экзистенцию в центр своей философии, в какой мере жизнь мыслителя соотносится с его взглядами? Не опровергает ли безжалостный генеалог морали своих этических воззрений примером личной этики?

И здесь мы обнаруживаем то, что одна из «высокочитимых подруг» Ницше, с которой он долгое время находился в переписке, – Мальвида фон Мейзенбург – называет «парадоксом». 12 августа 1888 г. она пишет ему: «То, что Вы говорите, будто Вам выпало счастье обратить против себя все, что слабо и добродетельно, – это заблуждение или парадокс. Те, кто вправду добродетельны, вовсе не слабы, скорее они по-настоящему сильны, о чем свидетельствует и изначальное понятие “virtu”. И Вы сами – живое противоречие своим словам потому, что Вы поистине добродетельны, и, я думаю, Ваш пример, если бы люди только знали его, убеждал бы больше, чем Ваши книги» [9, с. 336–337].

Действительно, как замечают биографы, Ницше был в быту достаточно мягким человеком аскетической, уединенной жизни. Он часто жалуется в письмах к матери и друзьям на отсутствие понимания и сочувствия, которые ему необходимы.

После отказа летом 1882 года его единственной и большой любви – Лу Саломе – выйти замуж, Ницше пишет той же Мальвиде Мейзенбург: «Одинокие люди ужасно страдают от воспоминаний... Дорогая подруга, неужели же нет ни единого человека на свете, который бы меня любил?» [9, с. 195–196]. И тут же – Францу Овербеку: «Позорящие и мучительные воспоминания о последнем лете довели меня едва ли не до безумия... Всеми фибрами я пытаюсь преодолеть себя, но я слишком долго в одиночестве и варился “в собственном соку”... Мое недоверие сейчас очень велико: во всем, что я слышу, мне чудится презрение ко мне... Мои чувства к Лу находятся в состоянии последней, мучительной агонии: по крайней мере мне сейчас верится в это. Позже – если это позже вообще будет – я еще скажу об этом. Сострадание, мой друг, – своего рода ад, что подтвердили бы и приверженцы Шопенгаура» [9, с. 197–198].

«Я пытаюсь преодолеть себя», «сострадание – это ад» – как же эти откровения похожи на проповедь Заратустры, его призывы превзойти человека и стать выше всякой традиционной морали, всякого сострадания! Создается впечатление, что, борясь с состраданием, Ницше прежде всего борется с собой. И случай в Турине с лошадью, которую избивал извозчик, стал последней каплей напряжения его ментальных и моральных сил. Это не кучер хлестал полудохлую кобылу, а сам Ницше избивал свою природу, свою душу, которая больше не могла его нести.

Заслуга Ницше – интерпретация человека в динамике его естественных сил; предупреждение об опасности пренебрежения природными инстинктами и борьбы с ними через простое отсечение, нивелирование («кастрацию»). Но не является ли редукцией человека сведение таких феноменов как «любовь», «доброта», «сострадание» – к обманчивым и вредным фикциям общественной жизни «homo sapiens», как учил Ницше? Убивая в себе сострадание, убивая любовь, жалость, не убиваем ли мы как раз того *Übermensch* – высшего человека, к которому призваны?

3 января 1888 г., ровно за год до туринского инцидента, в письме Францу Овербеку Ницше описывает свое «черное отчаяние», которое держит его в своих тисках, не давая «выскользнуть». Он сетует на то, что годами ему «не хватает по-настоящему отрадной и целительной человеческой любви», на «абсурдное затворничество, которое приводит к тому, что почти все оставшиеся взаимосвязи с людьми становятся причиной обид» [11, с. 383].

Разве не парадокс?! Философ, который отчаивается от недостатка любви, учит безжалостности! Можно сказать, что Ницше в своей философии идет против своей же внутренней конституции, он ставит над собой эксперимент, и этот эксперимент приводит как к личной трагедии мыслителя, так и, возможно, к трагедии всего мирового сообщества в XX столетии,

отказавшегося в лице тоталитарных режимов от морали любви и сострадания в угоду утопическим политическим идеалам.

Выводы

Проведенное исследование показало, что есть как бы два Ницше: Ницше-философ и Ницше-в-жизни. Философ посвятил всего себя познанию, воля к истине была сильнейшим его инстинктом, и в этом познании он не остановился перед самыми крайними, скандальными выводами.

Философ четко определил главный симптом западноевропейского общества конца XIX в. – эрозию христианской веры. Как заметил греческий теолог Христос Яннарас, «в словах Ницше мы сталкиваемся не с выражением личных убеждений атеиста, но с пронизательными констатациями пророка. “Бог умер”: это значит, что христианский Бог, Бог западной метафизики – уже мертвая фикция ума, “голая идея”, абстрактный смысл... Он никак не влияет на жизнь европейца; вовсе не он придает смысл существованию человека, мира и истории. На Западе место Бога пусто» [13, с. 6].

Отсутствие Бога ведет у философа к упразднению традиционной морали: «ничто не истинно, все позволено». Ницше здесь приходит к тому же выводу, к которому ранее пришел Достоевский: «Ибо коли Бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели» (слова Смердякова в разговоре с Иваном Карамазовым). Бог – как высшая цель является основанием этики, ее движущим мотивом. С упразднением же Цели, теряется смысл добра, любви, сострадания и всех других христианских максим. Остается только этот мир с его борьбой за существование, где состраданию нет места. Ницше, как последовательный философ, приходит к логическому выводу о необходимости переоценки всех ценностей.

Но есть еще и Ницше-человек – сын пастора, «растение, родившееся близ погоста», как сам он себя охарактеризовал [11, с. 378]. Ницше-в-жизни нуждается в сочувствии, любви, поддержке – нуждается в Другом. И этот Ницше, опровергая христианскую мораль, все дальше идет против своей натуры, ему требуются колоссальные усилия, чтобы постоянно преодолевать себя.

Многие исследователи видят в туринском срыве исключительно физиологический феномен, следствие органического поражения мозга. Но находятся и такие, как Карл Ясперс, которые указывают на очевидную связь психологического состояния Ницше с его философией. Ясперс видел в срыве «экзистенциальный крах», результат невыносимого психического напряжения, вызванного содержанием собственных идей.

Человек представляет собой ансамбль самых разных сил, воль, энергий. Безусловно, в нем есть животный пласт. Нивелировать этот уровень – чревато психосоматическими и мировоззренческими патологиями. Но в то же время – то высшее, что мы в себе обнаруживаем, связано с таким качеством, как сострадание. Этот «инстинкт» может оказаться сильнее самой дикой воли к власти, могущественнее неискоренимого индивидуализма.

«Наши потребности, – писал Ницше, – вот что истолковывает мир; наши влечения, их “за” и “против”» [3, с. 224]. И если сострадание в Ницше хотя бы в один момент его бытия оказалось сильнее имморализма, оно продолжает жить и парадоксальным образом утверждать христианскую нравственность.

Список источников

1. *Ницше Ф.* Антихрист // Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
2. *Ницше Ф.* Веселая наука // Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 829 с.
3. *Ницше Ф.* Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: «REFL-book», 1994. 352 с.
4. *Ницше Ф.* К генеалогии морали // Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
5. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
6. *Ницше Ф.* Сумерки идолов, или Как философствуют молотом // Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.
7. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 829 с.

8. Ницше Ф. Утренняя заря. Свердловск: Изд-во «Воля», 1991. 304 с.
9. Ницше Ф. Письма / Сост., пер. с нем. И.А. Эбанойдзе. М.: Культурная революция, 2007. 400 с.
10. Придо С. Жизнь Фридриха Ницше / Пер. с англ. А.Г. Коробейникова. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 400 с.
11. Сафрански Р. Ницше: биография его мысли / Пер. с нем. И. Эбанойдзе. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 456 с.
12. Хайдеггер М. Ницше и пустота. М.: Родина, 2020. 288 с.
13. Яннарас Х. Хайдеггер и Ареопагит, или об отсутствии непознаваемости Бога / Пер. с новогреч. Г.В. Вдовина. М.: Директ-Медиа, 2014. 124 с.
14. Ясперс К. Ницше: Введение в понимание его философствования. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2003. 629 с.

References

1. Nietzsche F. The Antichrist // Writings. In 2 volumes, vol. 2. М.: Mysl, 1990. 829 p.
2. Nietzsche F. Veselaya nauka // Essays. In 2 volumes, vol. 1. М.: Mysl, 1990. 829 p.
3. Nietzsche F. The will to power: the experience of reassessing all values. М.: REFL-book, 1994. 352 p.
4. Nietzsche F. Towards the genealogy of morality // Essays. In 2 volumes, vol. 2. М.: Mysl, 1990. 829 p.
5. Nietzsche F. Beyond good and evil // Essays. In 2 volumes, vol. 2. М.: Mysl, 1990. 829 p.
6. Nietzsche F. Twilight of Idols, or How to Philosophize with a Hammer // Essays. In 2 volumes, vol. 2. М.: Mysl, 1990. 829 p.
7. Nietzsche F. Thus spake Zarathustra // Writings. In 2 volumes, vol. 2. М.: Mysl, 1990. 829 p.
8. Nietzsche F. The morning dawn. Sverdlovsk: Volya Publishing House, 1991. 304 p.
9. Nietzsche F. Letters / Comp., translated from German by I.A. Ebanoidze. М.: Cultural Revolution, 2007. 400 p.
10. Prideaux S. The Life of Friedrich Nietzsche / Translated from English by A.G. Korobeynikov. М.: KoLibri, ABC-Atticus, 2020. 400 p.
11. Safranski R. Nietzsche: a biography of his thought / Translated from German by I. Ebanoidze. М.: Publishing House "Delo" RANHiGS, 2016. 456 p.
12. Heidegger M. Nietzsche and the Void. М.: Rodina, 2020. 288 p.
13. Yannaras H. Heidegger and the Areopagite, or on the absence of the Unknowability of God / Translated from New Greek by G.V. Vdovin. М.: Direct-Media, 2014. 124 p.
14. Jaspers K. Nietzsche: An introduction to understanding his philosophizing. St. Petersburg: Publishing house "Vladimir Dahl", 2003. 629 p.

Статья поступила в редакцию 09.01.2026; одобрена после рецензирования 22.01.2026; принята к публикации 24.01.2026.

The article was submitted 09.01.2026; approved after reviewing 22.01.2026; accepted for publication 24.01.2026.